

С. Н. Жеребцов

**Психология
переживаний личности
в динамике культуры**

Античность

Средневековье

Возрождение

Мозырь
«Содействие»
2013

Жеребцов, С. Н. Психология переживаний личности в динамике культуры : Античность, Средневековье, Возрождение / С. Н. Жеребцов. — Мозырь : Содействие, 2013. — 184 с. — ISBN 978-985-520-717-8.

В монографии обосновывается необходимость культурно-исторического анализа в раскрытии сущности и феноменологии переживаний. Культурно-исторический подход выступает не только адекватным гносеологическим основанием исследования переживаний, но и онтологическим требованием к человеку, который может сохранить свою человечность только как историческое и культурное существо. Признавая уникальность, приватность, интимность переживаний, фиксируются их социально-психологический генезис и социально-психологическая онтология. Проанализированы взгляды на переживания мыслителей Античности, Средневековья, Возрождения, динамика этих взглядов, их использование в современной психологии. Историческая специфика представлений о переживаниях прослежена в зависимости от своеобразия самих переживаний каждой из эпох. Богатство и благополучие субъективности (переживаний) личности ставится в зависимость от её способности быть субъектом в культурном процессе.

Для психологов, философов, историков, культурологов, педагогов и всех тех, кто интересуется проблемами переживаний личности, их трансформации в социально-психологическом и социокультурном контексте.

Рекомендовано к изданию
решением заседания кафедры психологии
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»
(протокол № 6 от 25 января 2013 г.)

Рекомендовано к изданию
решением заседания научного технического комитета
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор Я. Л. Коломинский;
доктор психологических наук Г. В. Лосик

ISBN 978-985-520-717-8

© Жеребцов С. Н., 2013
© Оформление. ОДО «Образовательная
компания «Содействие», 2013

Введение: теоретические основания исследования переживаний личности в контексте культуры и истории	11
1. Переживания и их концептуализация в эпоху Античности	22
1.1. От Протагора — к Сократу	22
1.2. Платон: четыре идеи об устройстве внутреннего мира	29
1.3. Аристотель: необходимость и целостность переживаний	33
1.4. Демокрит: переживания как регулятор поведения	40
1.5. Эпикурейство и стоицизм: две концепции управления переживаниями	41
1.6. Переживания в социокультурной ситуации античности	47
2. Средневековые переживания и представления о них	59
2.1. Христианство: феноменология переживаний	59
2.2. «Объективная взволнованность» Августина Блаженного	62
2.3. Экзистенциализм У. Оккама и индивидуализм Д. Скотта	68
2.4. Взаимопревращение культуры и переживаний	71
2.5. Ф. Аквинский: личность как субъект переживаний	88
2.6. Культурно-психологическая динамика средневековья: от «домашней эпохи» к «губительному отрицанию жизни»	98
3. Переживания личности и развитие представлений о них в эпоху Возрождения	105
3.1. Ф. Петрарка: творчество и принцип суверенитета личности	105
3.2. Л. Валла: наслаждение как ценность	109
3.3. Комплексное описание жизни Леонардо да Винчи	109
3.4. Внутренний мир «благовоспитанного человека» по Б. Кастильоне	112
3.5. Индивидуальность как ренессансное культурно-психологическое образование	116
3.6. Б. Телезио и Х. Вивес: идеи к овладению переживаниями	119
3.7. Практическая философия жизни М. Монтеня	121
3.8. Достоинство человека и новые функциональные органы переживания	126
3.9. Переживание как игра и чудесное превращение	131
3.10. Переживание ренессансных противоречий: становление субъекта и реализация полноты бытия	134
Заключение: переживание как свидетельство жизни	144
Список литературы	173

однако, как чудесное преобразование. Осознание реальности перемен и способности их осуществить при одновременном удивлении масштабностью и грандиозностью трансформации — в этом суть возрожденческой альтернативы, которую за указанные дихотомичные свойства можно охарактеризовать как «обыкновенное чудо».

3.5. Индивидуальность как ренессансное культурно-психологическое образование

Демиург — это художник, который не механически использует парадигмы, но употребляет их как средства творческого, часто игривого самовыражения и одновременно самопостроения. Свобода в творении становится свободой в самопревращении. Анализируя творчество Лоренцо Медичи, Л. М. Баткин констатирует: «Повседневность рифмовалась с риторикой, оттого поэтика сдвигалась и гуманисты, экспериментируя с нею, тем самым менялись сами, т. е. становились гуманистами» [12, с. 87]. Индивидуальное, личное дедуцируется из всеобщего, строится на материале этого всеобщего. Дедукция как операция мышления строится на средневековой традиции, она представляется более простой по отношению к индукции. «Вне всякого сомнения, — пишет Л. Медичи, — познание вещей легче в роде, чем в виде и частностях; я говорю это в соответствии с ходом рассуждений человеческого ума, который не может иметь истинного определения какой-либо вещи, если предположить, что оно не исходит из универсального суждения о ней» (цит. по [12, с. 116]). В этом обнаруживается и признак коллективного субъективного переживания по отношению к индивидуальному. В соответствии с тенденцией увеличения разнообразия с развитием, усложнением общества, возрождение демонстрирует громадное разнообразие психической жизни, её индивидуальных вариантов. Необходимо усилие культуры и личности, чтобы осуществить «восхождение к индивидуальности». Культурно-психологической приметой ренессансного творчества выступает момент возвеличивания единичного, частного, частного «личное» и «великое» имеют настолько большое общее пространство, что могут употребляться как синонимы. В этом и заключена творческая задача. Творческое переживание становится и культурно и индивидуально необходимым как способ реализовать соответствующий природным склонностям и возможностям индивидуальный стиль жизни и этим своим стилем оживить культуру, сделать её более динамичной и совершенной. Демагогические сентенции средневековья о счастье земном и счастье небесном сменяются поисками индивидуальных способов бытия. Общим предположением о счастье в жизни выступает сам поиск, т. е. процесс творчества, в котором творение придаёт смысл жизни и меняет самого творца. Демиург — это такой

мастер, который общезначимыми средствами творит индивидуальную жизнь, наслаждаясь ею, возвеличивает её своим уникальным творением, хотя часто страдает от ее несовершенств.

А страданий от несовершенств тоже было предостаточно. «Возрождение прославилось своими бытовыми типами коварства, вероломства, убийства из-за угла, невероятной мстительности и жестокости, авантюризма и всякого разгула страстей» [96]. Конечно, это тоже явилось важным проявлением культуры — той культуры индивидуализма, которая утверждала себя разными средствами, не только бласфемно-возвышенными. Противоречивость любой эпохи состоит и в том, что она конфликтна со своими же идеалами.

К примеру, инквизиция с преследованиями и жестокими расправами, которую принято связывать со средневеками, на самом деле была детищем эпохи Ренессанса. «Секретность расследования дел еретиков, почти полное отсутствие каких-нибудь точно соблюдаемых правил судопроизводства, беспорядочное отношение к подсудимым, конфискация имущества подсудимых и их родственников, пытки и жесточайшие наказания вплоть до сожжения на костре, полная неподчиненность не только светским, но даже и церковным правителям, фантастические преувеличения совершенных преступлений, полный произвол с придумыванием и таких преступлений, которые никогда не совершались, крайняя мстительность и придирчивость инквизиторов, их патологическая подозрительность — все это раз навсегда заклеило инквизиционные суды эпохи Ренессанса, перед которыми церковные кары средневековья производят наивное впечатление» [96]. Возможно, именно этот аспект жизни великой эпохи, который часто оставляют за скобками, явился исторически необходимым побудителем тех достижений и изменений, которые наступили в обществе и в психологии людей в последующие времена. Гуманистические идеалы и эстетически возвышенные образы не были исключительной основой переживаний человека, жившего в этот период. Гуманизм был протестом против насилия во всех его проявлениях. Для реализации данного протеста появлялась и соответствующая социальная база — городские ремесленные коммуны, рост предпринимательства, где человек рассматривался как источник труда, вне его религиозных и индивидуальных особенностей. Зарождающийся новый уклад жизни требовал новых социальных отношений, новой системы управления, которая только на страхе и бесправии рядовых граждан строиться уже не могла. Прогрессирующая общественность актуализирует субъектность за счет развития внутренних противоречий, возникающих у человека, принадлежащего сразу к нескольким группам и часто сталкивающегося с моральными дилеммами, при этом однозначную иерархию ценностей для решения этих дилемм в условиях анонимии выработать крайне затруднительно. Все актуальнее становится проблема произвольного управления переживаниями.

Поэтому ключевой момент проявления нового характера переживаний в самых возвышенных и в самых низменных их проявлениях одновременно — это новое самосознание, обретавшееся все большим количеством людей. «Пороки и преступления были во все эпохи человеческой истории, были они и в средние века. Но там люди грешили против своей совести и после совершения греха каялись в нем. В эпоху Ренессанса наступили другие времена. Люди совершали самые дикие преступления и ни в какой мере в них не каялись, и поступали они так потому, что последним критерием для человеческого поведения считалась тогда сама же изолированно чувствующая себя личность» [96].

«Изолированно чувствующая себя личность» возникала и обретала всё более определённые очертания в связи с зарождающейся системой предпринимательства и индустрии. Но зарождалась она в преобладающей в те времена системе социальности, ядро которой образовывала семья, клан. «...Доиндустриальная социальность насквозь клановая, «мафиозная», она зачастую игнорирует экономический интерес, путает общественное и семейное, официальное и личное. Классовые антагонизмы здесь плохо просматриваются, но зато кипит борьба сходных по социальному облику группировок. Так, изучивший по архивам французскую деревушку рубежа XIII и XIV вв. Э. Леруа Ладюри не нашел в ней признаков феодальной эксплуатации. Заправляли сельскими делами и соперничали между собой главы семейных крестьянских кланов. Один из них был местным священником, любовником владелицы деревни, официальным уполномоченным инквизиции и одновременно членом запрещенной религиозной секты, что долгое время срывало попытки церкви искоренить ересь в деревне» [166, с. 117]. Вот уже действительно: и коварство, и авантюризм и разгул страстей (с чем шло речь ранее). Такие характеристики переживаний есть результат реверса путаницы, размытой идентичности и реактивно-аффективной внутренней жизни, когда переживания (субъективность) диффузны именно по причине диффузной субъектности. Аморфная социальность с противоречивыми (для нашего сознания) нормами позволяет структурировать реальность и отношение к ней в соответствии с культурными схематизмами, которыми словно играли, манипулировали и проверяли их на прочность авантюрные натурны, акцентируя тем самым свою субъектность, свою индивидуальность и внося свой, зачастую сомнительный, вклад в культурно-психологическую динамику.

М. Вебер указал на внешне парадоксальную историческую тенденцию религиозности с её мистическими мотивами увязывающуюся с хозяйственной предприимчивостью, требующей рационально выверенной субъективности [36]. Примеров тому множество практически на всех исторических отрезках: наиболее успешными в экономическом плане предприятиями были монастыри, в средние века и в ренессансную пору самыми

пламенными сектантами, еретиками были выходцы из ремесленников и купцов; самыми передовыми в экономическом плане уже в Новом времени стали именно протестантские страны, в которых наиболее предприимчивыми были сектанты. Как видим своего рода альтернатива (превращение идентичности) как переход от религиозного сознания к экономическому, или объединение двух психологических тенденций, налицо. Но на какой общей основе эти тенденции интегрируются, а чём причина указанной корреляции? Ответ обнаруживается в личностной организации, в установлении общего мотива, в динамике переживания на основе страсти (страсть к наживе, и религиозная страсть имеют общий мотивационный корень) — как говорит Вебер — это тоже соблазн. Самоорганизация, требующая некоторого аскетизма, перерастает в героизацию аскетизма, в полный отказ от наслаждения. Точнее, наслаждением становится движение к внешней человеку данности: наживе, превращающейся в самоцель. «Теперь уже не приобретательство служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, — замечает М. Вебер, — а все существование человека направлено на приобретение, которое становится целью его жизни» [36, с. 75]. Только на рубеже XIX—XX вв. станет очевидной роль данного и многих схожих схематизмов переживания в этиологии широкого спектра заболеваний, категорируемых как «психосоматика». Накопительство ещё можно интерпретировать как символический процесс самосохранения, устранения разнообразных угроз, обеспечения безопасности.

3.6. Б. Телезио и Х. Вивес: идеи о овладении переживаниями

Итальянский мыслитель этой эпохи Б. Телезио (1509—1588) трактовал психическое как особое состояние материи, которая стремится к сохранению определенного состояния (см.: [48]). И ум, и чувства подчинены закону самосохранения. Более того, чувства являются нравственными в той мере, в какой они служат самосохранению. Т. е. такие добродетели, как мудрость, мужество, благосклонность и т. п. проистекают из того же чувства самосохранения. На этой основе была предложена теория аффектов, согласно которой в положительных аффектах проявляется сила стремящейся к самосохранению души, а в отрицательных — ее слабость. В такой трактовке просматривается общая положительная роль в жизнедеятельности человека тех переживаний, которые поддерживают психику в необходимом, оптимальном тоне и ослабляющее влияние на нее отрицательных эмоций. Характер этих рассуждений позволяет их полагать в качестве прототипа современной